

Неоднозначная общность

Нина Сосна*

ВИРНО П. (2013). ГРАММАТИКА МНОЖЕСТВА: К АНАЛИЗУ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ / ПЕР. С ИТ. А. Г. ПЕТРОВА. М.: АД МАРГИНЕМ. 176 С. ISBN 9785911031435

Аннотация. В связи с выходом первого перевода на русский язык монографии «Грамматика множества» наряду с очевидной политической проблематикой рецензент обращает внимание и на социальные и даже антропологические аспекты описания нового типа субъективности, которые обсуждаются в книге. Среди них фундирующее эмоциональное состояние, переменчивое отношение к происходящему, доходящее до циничного, двусмысленность внешней оценки, потенциальные возможности использования глубинных переживаний. Также обозначены некоторые проблемы, продолжающие быть предметом обсуждения вот уже более десяти лет после выхода книги.

Ключевые слова: формы жизни, потенциальное, субъективность, множество.

На русском языке вышла в свет книга итальянского философа Паоло Вирно, написанная в 2001 году. Что-то в этой работе заставляет размышлять над утверждениями автора не только специалистов по политической теории или организаторов и участников протестных движений, но и представителей аналитической теории языка, визуальных исследований и даже медиатеоретиков. Что-то до сих пор вызывает несогласие с многочисленными рецензиями на эту небольшую книгу, появившимися в середине нулевых.

В «Грамматике» сохраняются следы устных выступлений на семинаре в Университете Калабрии, которые объясняют повторы в одних фрагментах и чрезмерную содержательную насыщенность (не всегда достаточно ясную) — в других. В русском издании в качестве послесловия помещена статья А. Пензина, где приводится краткая биография Вирно и размечаются объемы основных понятий, которые использовались на семинаре, прежде всего понятия «множества», даются краткие характеристики движению операистов в Италии и постсоветскому периоду в России, выражаются надежды на дальнейший рост политического сознания и содержится призыв перечитать и, возможно, еще раз перевести в соответствии с новыми историческими условиями некоторые ставшие классическими тексты по политической теории, например Гоббса.

* Сосна Нина Николаевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, член редколлегии «Философского журнала». Email: phljrnl@yandex.ru

© Сосна Н. Н., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

Задача настоящей статьи не столько в том, чтобы предложить еще одну интерпретацию понятия «множества» или оценить «аномально “долгий май 1968”», сколько в том, чтобы рассмотреть «Граматику» в более широкой перспективе функционирования этого текста в условиях сегодняшнего дня. На наш взгляд, это можно сделать в рамках антропологической перспективы.

Сразу же отметим, что возможен другой вариант перевода подзаголовка, а именно: «К анализу современных форм жизни». В нем есть смысл, хотя семантически он и может показаться русскому читателю менее гладким, чем «К анализу форм современной жизни». Уже здесь обнаруживается одно затруднение. Перевод слишком ровный, подчас сглаживающий острые углы размышлений Вирно. Вот и послесловие оставляет у читателя впечатление, словно «Грамматика» уже сделалась неким академическим материалом и полностью объяснена, тогда как она оставляет больше вопросов, чем ответов. Да и сам Вирно неоднократно настаивал не просто на парадоксальности выстраиваемой теории, но и на неустранимой двусмысленности используемых понятий, на том, что его речь — лишь набросок, проект, который нуждается в дальнейшей разработке. Субъект-амфибия, амбивалентность эмоциональной ситуации и т. д. — лишь некоторые примеры. И множество — вовсе не безусловная ценность, как и все, что развивается и чье развитие не только позитивно.

Между тем книга обращается не столько к формам *современной* жизни, сколько к тем формам или даже областям деятельности, в которых жизнь проходила задолго до «современности». Это книга об области эмоций, настроений и чувств, о владении языком и языковых способностях, об этических предпочтениях, об организации труда и средствах производства, о поведенческих нормах, наконец, об экономике в широком смысле слова. Что отличает это существование сегодня — вот в чем интерес книги Вирно, пытающегося соединить в одном описании историю человечества и историю вида, деятельность в рамках того, что обычно называется историей, и страх и борьбу за существование в условиях, в которые человек находит себя вписанным, в экономической ситуации, у которой нет аналогов: другой труд (не материальный), другие обменные процессы (не товаров, но «брендов»), другие определения стоимости (через не поддающийся переводу в денежный эквивалент объем знаний и навыков) и т. д. (Конечно, едва ли рассуждения Вирно затрагивают рабочих из Азии, днями напролет за низкую оплату производящих товары, перепродаваемые потом в других странах уже без физических затрат на производство и по более высоким ценам.) Тут сходятся процессы взаимодействия организмов со средой (не обязательно только человеческих организмов), со стремлением капитализировать все способности человека, в том числе те, которые по определению не переводятся в категорию товара и которые ранее как раз отвечали за неотчуждаемо «человеческое» в человеке. С одной стороны, архаическое человеческое (Вирно даже прямо называет множество архаичным), с другой — оголтелое, как сказали бы несколько десятков лет назад, системно-капиталистическое. Вид, выходящий за свои пределы, и капитализм, шагнувший «вовнутрь» человека, подчиняющий своей логике даже психосоматические пласты

организма. Двигаются ли они навстречу друг другу? Если так, каков прогнозируемый результат столкновения?

Конечно, можно утверждать, что принужденное взаимодействие биологического и капиталистического подверстывается терминологией биополитики, что предложил сделать еще М. Фуко, как известно, использовавший термин «биополитика», но не развернувший контекст, где этот термин был бы применен аналитически. По этому вопросу позиция Вирно выражена четко: важна не биополитика как таковая, а то, результатом чего она является и что ее направляет. А направляет ее стремление купить то, что не продается. По крайней мере, то, что никогда не мыслилось в категориях товара, что очевидно не представлял товаром даже К. Маркс, определяя понятие «Arbeitskraft». Ведь рабочая сила — это не просто способность выполнять те или иные операции, которую можно измерить, подобно мощности, скажем, мотора, в лошадиных силах, но именно способность как еще не актуализированное действие, как еще не полученный результат. Такую способность обеспечивает все то, что человек давно считал своим, непередаваемым, неотчуждаемым, — реакции на изменение условий, ловкость, эмоциональный строй, способы взаимодействия с другими. Именно эти качества отличали одного человека от другого, именно их каждый «носил с собой» и проявлял при необходимости. И именно они оказались вдруг предметами торга, направленного к актуализации того, что присутствует потенциально.

О потенциальном Вирно говорит часто. Порой может даже возникнуть впечатление, что потенциальность — это результат двусмысленности используемых понятий, так как собственно колебания между различными смыслами и различными состояниями создают эффект не-перехода в модус актуального. Так, говоря о языке, Вирно обозначает пределы колебаний: язык как способность говорить (завоевание человека как представителя вида) и язык как используемый материал для высказывания (дело тех, кто должен создавать общественное пространство, от которого ожидается превращение в пространство политическое). Говоря о новом способе труда, Вирно подчеркивает его нерезультативность в том смысле, что результат неотчуждаем от самого процесса труда и не может существовать в форме товара, а значит, пределы колебаний и способы фиксации еще должны быть установлены. Говоря о зрелищности как эффекте производства, Вирно предполагает рассмотреть не то, что уже находится в зоне видимости, но скорее то, что только может в ней появиться. Говоря об «эмоциональной тональности» множества, Вирно предлагает не считать ее исключительно негативной, «плохой», «нигилистической», но призывает попытаться выделить в ней «нейтральное ядро», иными словами, за безусловно дурными характеристиками усмотреть возможность роста того, что множество сможет использовать для достижения своих (политических) целей. Так, переключающееся видение любопытствующих, которое делают возможным медиа, позволяет решать каждый раз, что смотреть, что оставить в фоновой области и что выдвинуть на передний план. А некоторая растерянность, вызванная обилием информации, поступающей по различным гаджетам, сетям и т. д., не только является препятствием на пути интеллектуального обучения, но и может актуализовать обучение чувств и расследовать технически репродуци-

руемые артефакты. Собственно, и множество размещается Вирно в некоторой лишь отчасти актуализованной области, где-то между государством и народом, частным и общественным, индивидуальным и коллективным, испытывает нечто среднее между страхом и тревогой. Это не означает, что множество видится ближе к коллективному, — нет, самым способом своего существования оно делает непригодным для анализа эти пары терминов, отменяет значимость, например, как частного, так и публичного и не позволяет объединять их посредством некоего синтеза. Иными словами, и язык, и труд, и видимость, и эмоциональный фон, и даже множество — все это скрывает в себе потенциальные возможности, которые следует развивать ради действий политического характера. На вопросы о том, кто говорит, кто трудится, кто видит себя, кто испытывает указанные облегченные эмоции, следует, видимо, отвечать, что это новая субъективность. Насколько она соотносится с тем комплексом характеристик, которые некоторое время назад прилагались к «человеку», — еще один открытый вопрос «Грамматики».

Интересно рассмотреть интерпретацию категории потенциального другим представителем левого движения Италии и другим горячим сторонником множества, а именно А. Негри. Это не потребовало бы большой работы по извлечению различных фрагментов, наподобие той, что мы наметили в отношении «Грамматики». Позиция соавтора «Империи» эксплицировано и последовательно спинозистская, поэтому потенциальность, набирая достаточно силы, переходит в актуальное состояние. Никакой латентности, никакой нереализованности. А значит, множество существует и действует, не таясь в многочисленных разговорах и взаимодействии со все новыми техническими устройствами, оппортунистически перенимая то одни, то другие правила игры. Наверное, есть доля правды в том, что шествие множества рисуется в «Империи» широкими мазками, которые кому-то могут показаться слишком размашистыми по сравнению с более тщательной в каких-то аспектах работой Вирно. На наш взгляд, и ряд высказываний Вирно вызывает вопросы, и на некоторые из них у нас уже была возможность указать¹. Что представляется существенным для обоих авторов и что невозможно не подчеркнуть особо, так это стремление представить новую онтологию, новую субъективность в момент ее зарождения или функционирования. Что касается Вирно, то и он берет на себя достаточно ответственности, начиная книгу со слов «Я утверждаю». И в этом — часть ответа на то, какие формы приобретает жизнь сегодня. И это большой проект, ибо актуальным становится вопрос, с какой формой жизни сегодня связывается «человеческое», если с какой-нибудь оно еще связывается. Этот вопрос волновал в конце 1990-х — начале 2000-х немало исследователей. С одной стороны, возникшие формы капитализма критически разбирали Я. Мулье-Бутан, А. Горц, А. Корсани, М. Лазаратто, Э. Серье, К. Лэш, Дж. Рифкин. С другой стороны, к этому же периоду относятся выступления Ж. Ф. Лиотара о «нечеловеческом» технологического развития, об интеллекте и просчитываемости стратегий будущего. Все они позволяют рассмотреть работу Вирно в контексте, а это всегда содействует лучшему пониманию того, что было недоговорено или пропущено как

1. См.: *Сосна Н.* (2013). Потенциально человеческое: Вирно и медиа // *Философский журнал.* № 1.

само собой разумеющееся. Иными словами, эта книга оставляет много вопросов и содержит много провокативных высказываний. Здесь и *precarieta* (шаткость условий существования вообще и труда в частности опять-таки сегодня и в исторической перспективе — как тут не вспомнить процессы складывания отношений собственности многовековой давности, в результате которых возник особый статус «человеческого»!), и вопрос о соотносимости множества и варварства, и вопрос единства (если так можно понимать *One* английского перевода) и «более широкой универсальности „общего интеллекта“», и вопрос о том, что же такое политическое действие сегодня. Вопросов много, и читатель приглашен искать решения.